Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства.

(Записано со словъ разсказчика).

I. ПАНЪ—ПОВѢТОВЫЙ МАРШАЛЪ.

Въ 1817 году, послѣ отечественной войны 1812 г. и вызванныхъ ею заграничныхъ походовъ, рота брата моего была расположена на квартиры въ деревнѣ Гринькахъ, полтавской губерніи, гдѣ жилъ въ своемъ имѣніи, владѣлецъ его, славившійся кругомъ своимъ хлѣбосольствомъ, повѣтовый маршалъ дворянства П. И. Булюбашъ, производившій свой родъ отъ турецкаго паши, что значилось и въ его фамильномъ гербѣ.

Прибывъ на стоянку, мы представились маршалу и любезно были приглашены имъ квартировать въ „его дворѣ“, что значило жить во флигелѣ его дома, вмѣстѣ съ сыномъ его, взрослымъ уже молодымъ человѣкомъ. За стѣною нашихъ комнатъ, бокъ о бокъ съ нами, жилъ и самъ хозяинъ. Дочь его, молодая красивая панночка, ставшая впослѣдствіи женою моего брата, жила отдѣльно въ большомъ панскомъ домѣ съ двумя компаньонками при ней и цѣлымъ женскимъ штатомъ прислуги, состоявшимъ изъ мастерицъ всевозможныхъ профессій.

Благодаря радушію и гостепріимству хозяина и всей его семьи мы скоро освоились на новомъ мѣстѣ, сдѣлались какъ бы членами одной семьи и зажили общею жизнью,—жизнью давно отошедшею въ область преданій, — эта то жизнь, прожитая мною много и много лѣтъ тому назадъ, часто встаетъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Хозяинъ нашъ велъ свой родъ, какъ сказано мною выше, отъ турецкаго паши Булюкъ-паши. По семейнымъ преданіямъ, этотъ Булюкъ-паша что то напроказилъ у себя на родинѣ, за что ему грозила публичная казнь, но султанъ, оказывая ему милость и избавляя его отъ позора казни черезъ палача, прислалъ ему шелковый шнурокъ, что означало приказаніе султана повѣситься на немъ. Булюкъ-паша предпочелъ милости султана бѣгство и, собравъ все свое имущество, бѣжалъ на Прутъ, а оттуда на правую сторону рѣки Днѣпра, во владѣнія тогда Рѣчи Посполитой, гдѣ снискивая расположеніе польскаго панства, принялъ унію, вскорѣ же сообразивъ свое шаткое положеніе въ качествѣ уніата и жителя правобережной Украины, принялъ православіе, перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра и вмѣсто Булюкъ-паши сталъ зваться въ народѣ Булюбашемъ, тогда же вошелъ въ составъ козацкой старшины и, достигнувъ чина бунчуковаго товарища, положилъ начало новому дворянскому малороссійскому роду, давшему въ лицѣ гостепріимно пріютившаго меня съ братомъ Павла Ивановича Булюбаша (внука Булюкъ-паши) маршала повѣтовому дворянству.

Павелъ Ивановичъ въ то время представлялъ изъ себя человѣка уже очень пожилаго, небольшаго роста, толстаго, съ лицемъ, изрытымъ оспою, остриженнаго подъ гребенку, съ характеромъ настойчивымъ, склоннымъ къ деспотизму; своимъ образованіемъ онъ не ушелъ отъ общаго уровня образованія дворянъ того времени т. е. зналъ грамоту, письмо, четыре правила ариѳметики, съ крестьянами жилъ по старинѣ хорошо, не притѣснялъ ихъ, вѣроятно, помня ихъ недавнее закрѣпощеніе и даже продолжалъ содержать „шпиталь“, т. е. больницу, при которой содержалъ на свой счетъ фельдшера, что составляло тогда уже рѣдкость.

Сыну своему Николаю онъ не далъ образованія, желая держать при себѣ, дочь же воспиталъ по европейски у какой то родственницы въ Ковелѣ, такъ какъ въ то время онъ уже вдовѣлъ.—Дѣтей своихъ онъ любилъ страстно и, обращаясь съ ними крайне деспотически, въ то же время принималъ близко къ сердцу всякое ихъ горе.

Будучи богатъ, независимъ, занимая видное мѣсто въ повѣтѣ (уѣздѣ), имѣя взрослыхъ дѣтей, да и по природѣ будучи радушнымъ, гостепріимнымъ хозяиномъ, онъ велъ широкую жизнь, славившую его на цѣлый округъ. Дворня повѣтоваго маршала состояла чуть ли не изъ цѣлой сотни крѣпостныхъ слугъ, у пана былъ изъ своихъ крѣпостныхъ *приказчикъ* (экономъ), писаря, ключники, цѣлая дюжина лакеевъ, 25 музыкантовъ, торбонистъ, игравшій только при однихъ мужчинахъ вольныя запорожскія пѣсни, повара (кухари) съ поваренками, кучера, конюхи, берейторы, псари съ охотничьими сворами гончихъ и борзыхъ собакъ, охотники и рыбалки.—Нѣкоторыя лица изъ этого персонала несли и двойныя обязанности,—среди лакеевъ, музыкантовъ, псарей и охотниковъ были люди, обученные какому нибудь ремеслу, большею частью портняжескому, сапожницкому, столярному, слесарному, обойщицкому, что давало возможность пану имѣть все дома и не тратить денегъ на сторонѣ. Женскій персоналъ домашней прислуги былъ также многочисленъ, среди его были: *господыня* (экономка), спеціалистка по части варенья и веденія домашняго хозяйства, *ключница*—по части соленья, изготовленія масла, сыра и пр., *перепечайки* (хлѣбницы), изготовлявшія домашнія печенія, *модницы* по части шитья платьевъ для панночки, *кружевницы*—плетенья кружевъ, *вышивальщицы*—вышиванья на пяльцахъ, *горничныя*—для домашнихъ услугъ, *коверницы, ткачи* и пр. и пр.—все это работаетъ на пана, панскую семью и дворню...

Бывало, въ началѣ или среди недѣли, охотники снаряжаются на дичь, рыбалки на рыбную ловлю въ Днѣпрѣ и его заливахъ,—все это на подводахъ, а мы съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ нашимъ молодымъ лѣтамъ, ожидаемъ результатовъ ихъ охоты;—наконецъ, они возвращаются, нагруженные добычею—все это раскладывается передъ паномъ маршаломъ, внимательно разматривающимъ, любующимся, сортирующимъ добычу и заранѣе смакующимъ все это, имѣющее быть изготовленнымъ подъ разными подливами опытными кухарями, послѣ чего часть добычи уносится на кухню, а другая часть отправляется къ сосѣдямъ, при чемъ посланному наказывается просить сосѣда „одвидаты панськои охоты и прыихаты до пана маршала на обидъ и вечерю

въ недилю". Наступаетъ „недиля", еще къ обѣднѣ начинаютъ съѣзжаться гости: сосѣди, чиновники, офицеры расквартированныхъ по сосѣдству полковъ—послѣ обѣдни съ духовенствомъ завтракаютъ, пьютъ водку, чай, кофе, закусываютъ пирогами, разными соленьями, печеньями домашняго издѣлія; вскорѣ послѣ этого завтрака подается обѣдъ; хозяйка, окруженная дамами и дѣвицами, съ примкнувшею къ нимъ молодежью садятся въ одномъ концѣ стола, маршалъ, окруженный своими сверстниками, въ другомъ концѣ того же стола. Музыкантамъ дается знакъ и въ теченіи всего обѣда гремитъ хоръ музыкантовъ, составленный по преимуществу изъ мѣдныхъ и ударныхъ инструментовъ. Въ праздники при тостахъ стрѣляли изъ пушекъ (мажаръ), которыхъ у пана было нѣсколько, и палили изъ ружей. Послѣ обѣда старики отдыхали, а молодежь ухаживала за панночками вплоть до танцевъ, начинавшихся очень скоро послѣ обѣда и заканчивавшихся большою вечерею (ужиномъ), за которою слѣдовали еще танцы, въ которыхъ гросъ-фатеръ, введенный въ моду войсками, вернувшимися изъ за границы, мѣшался съ мѣстными „метелицею" и „журавлемъ". Послѣ танцевъ мужчины шли во флигель и разгулявшаяся компанія пила или наливку, или пунши съ наливкой, слушая или далеко нескромныя пѣсни торбаниста, или же, по требованію старшаго поколѣнія, стародавнія украинскія думы... На другой день послѣ пира жизнь въ панскомъ домѣ для подгулявшихъ съ вечера гостей начиналась рано,—уже въ восемь часовъ утра всѣ мужчины вставали и и шли къ хозяину-маршалу на его половину во флигелѣ, гдѣ прибывшихъ ожидалъ хозяинъ съ чаемъ, кофе, шоколадомъ, со всевозможнымъ печеньемъ, а для курящихъ были приготовлены чубуки съ трубками всевозможныхъ величинъ.— Маршальская комната, по обычаю того времени, была увѣшана по стѣнамъ портретами Богдана Хмѣльницкаго и бывшихъ послѣ него гетмановъ малороссійскихъ [1]), а также и другихъ народныхъ героевъ, тутъ же висѣло по стѣнамъ и старинное, оп-

[1]) Портреты эти были принадлежностью каждаго панскаго дома въ черниговской и полтавской губерніи до генералъ-губернаторства кн. Долгорукова 1830—

равленное въ серебро и бронзу козачье и турецкое оружіе, тутъ и аттрибуты бывшей козачьей власти, бунчукъ и булава.—Чаепитіе продолжалось довольно долго, среди разсказовъ о прошломъ и настоящемъ, по преимуществу относившемся къ мѣстной жизни или же къ жизни сильныхъ людей изъ малороссіянъ, проживавшихъ тогда или до того на родинѣ и оказавшихъ или примѣромъ своей жизни или своими связями съ мѣстными людьми много вліянія на текущую жизнь; при этомъ часто вспоминался 1812 годъ, жертвы, понесенныя полтавскимъ дворянствомъ въ числѣ другихъ на защиту отечества [1]), губернское маршальство Трощинскаго, начинавшееся въ то время по жалобамъ польскихъ помѣщиковъ могилевской губерніи громкое дѣло противъ графа Гудовича, бывшаго начальника малороссійскаго ополченія 1812 года, за допущенные имъ грабежи и пр. и пр.

Кто хотѣлъ изъ гостей, тотъ оставался для бесѣды у маршала во флигелѣ, иные же отправлялись гулять—кто въ садъ, кто въ поле съ ружьемъ или съ весломъ на прудъ, рас-

1840 г.; въ періодъ его пребыванія стали исчезать эти портреты изъ панскихъ домовъ, какъ разсказываютъ, по слѣдующему случаю.—Портреты большею частью украшали стѣны столовой, и генералъ-губернатору, любившему вкусно пообѣдать, часто приходилось за столомъ сидѣть противъ портрета гетмана Апостола, одноглазаго и какъ бы дѣлавшаго гримасу при видѣ обѣдавшаго начальника края; гримаса смущала генералъ-губернатора до того, что не разъ онъ замѣчалъ гостепріимнымъ хозяевамъ—малороссіянамъ, что не мѣшало бы убрать изъ столовой противныя рожи, лишающія только его аппетита.

[1]) Тогда среди малороссійскаго дворянства циркулировалъ слѣдующій любопытный документъ, имѣвшій цѣлію доказать, какія бы понесло дворянство траты въ 1812 г., если бы оно не имѣло среди себя сильныхъ ходатаевъ, вотъ текстъ этого документа:

Замѣчаніе.

Коликое число по причинѣ нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ (всходство двухъ назначеніевъ, по первому дворянскому отъ 5-го августа и по второму отъ правительства отъ 7 ноября 1812-го года положено полтавской губерніи на помѣщичьи ревизскія души приготовить и своимъ коштомъ поставить до города Минска провіанта, фуража и вина горячего, и сколько во всемъ оному вѣсу, полагая при томъ всему оному справочную, а за провозъ до Минска проспмую теперь русскими извощиками цѣну по 7 рублей съ пуда. А посему примѣнялись сколько причтется всего онаго Решетиловскаго владѣнія въ коемъ по ревизіи состоитъ 1902 души Генваря 1813.

положенный вблизи сада; такъ шло до 12 часовъ дня, когда лакеи бросались разыскивать гостей и просить ихъ на завтракъ въ большой домъ къ панночкѣ—молодой хозяйкѣ, привѣтливо встрѣчавшей гостей. Столъ былъ накрытъ и уставленъ всевозможными яствіями большею частью, если не исключительно, до-

1.

Количество провіанта, фуража и вина горячаго.	Сухарей.	Ржи.	Крупъ.	Овса.	Вина.
	пуд.	четверти.			ведр.
1. По дворянскому назначенію 5-го августа 1812-го г. положено для ратниковъ на каждую ревизскую душу ржи по 1 мѣркѣ, крупъ по 1 гарнцу и овса по 1 мѣркѣ, а на всѣ 1902 души составитъ	—	237	30	237	—
2. По назначенію отъ Правительства 7-го ноября положено для арміи на каждую ревизскую душу сухарей по 1 пуду, крупъ по 1½ гарнца; овса по 6 гарнцевъ и вина горячаго по 2½ кварты, а на всѣ 1902 души составитъ. .	1902	—	45	180	475
Итого для ратниковъ и для арміи. . .	1920	237	75	417	475

2.

Сколько полагается во всемъ ономъ вѣсу съ означеніемъ цѣны какъ справочной, такъ и за провозъ до Минска по 7 рублей съ пуда.	Пуды.	Справочная цѣна.	Итого.	За провозъ	Итого.
		РУБЛИ.			
1. Сухарей	1902	по 2 за п.	3804	13314	17118
2. Ржи 237 четв., полагая по 8 пудъ въ четверти	1896	по 7 за ч.	1659	13272	14931
3. Крупъ 75 четвертей, полагая такой же вѣсъ	600	по 10 за ч.	750	4200	4950
4. Овса 417 четвертей, полагая въ четверти по 5 п.	2085	по 4 за ч.	1668	14595	16263
5. Вина горячаго 475 ведръ, полагая по 30 фунтовъ въ ведрѣ.	356	по 3 за в.	1425	2492	3914
Итого	6839	—	9306	47873	57179

P. S. Обошлось на каждую ревизскую душу провозныхъ по 25 рублей съ копѣйками, а полагая за провіантъ, фуражъ и вино справочную цѣну, обойдется всего по 30-ти рублей.

Какъ же въ полтавской губерніи помѣщичьихъ ревизскихъ душъ состоитъ 330286 то, полагая съ каждой души по 30-ти рублей, составитъ съ нихъ всей суммы 9908580 рублей.

Провозъ всего онаго молитвами Ахтырской и Каплуновской Божіей Матери и патріотическимъ представительствомъ здѣшняго губернскаго господина маршала (Дм. Пр. Трощинскаго) отложенъ до подножнаго корму и чрезъ то здѣшняя губернія облегчена отъ великихъ золъ —Слава Богу! Слава хорошимъ русскимъ нашимъ Патріотамъ!

машняго приготовленія; изъ закусокъ подавалась икра, колбасы, ветчина, пряженцы, пироги всевозможныхъ сортовъ, заливная рыба, заливной поросенокъ и пр. и пр.; изъ напитковъ водки—настойки безъ числа: тутъ были и калгановка, и полыновка, и на сорока травахъ и спотыкачъ, и онисовка, и перчаковка и много другихъ, которыхъ не припомню, далѣе запеканка, варенуха и наливки многихъ и многихъ сортовъ, было также и вино и портеръ, но и то и другое имѣло сравнительно меньше поклонниковъ.

За завтракомъ являлась музыка, игравшая до тѣхъ поръ, пока не подадутъ обѣдъ,—послѣ завтрака обѣдъ наступалъ скоро,—на этотъ разъ кавалеры приглашали дамъ къ обѣду и попарно вели ихъ къ столу, занимая такимъ же порядкомъ за столомъ и мѣсто; все время играетъ музыка; къ обѣду собиралось много гостей—сосѣдей, знавшихъ, что въ одинъ день „недѣлю“ не кончается маршальскій пріемъ; кромѣ того въ домѣ маршала строго придерживались стародавняго „звычая“ останавливать и зазывать къ пану всѣхъ проѣзжающихъ мимо его селитьбы пановъ на обѣдъ, для этого снаряжались особые дежурные изъ панской прислуги, обязанные просить „до пана на обидъ“, и въ случаѣ отказа даже рубить колеса,—вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ обѣды были всегда многолюдны. За обѣдомъ каждое блюдо подавалось прежде всего самому пану—маршалу и, одобренное имъ, подавалось гостямъ, но бѣда, если блюдо почему либо не приходилось по вкусу хозяину: тогда призывался поваръ; разсерженный маршалъ, вмѣсто внушенія, приказывалъ ему тутъ же съѣдать добрую половину его неудачнаго произведенія и затѣмъ скакать на одной ножкѣ вокругъ обѣденнаго стола. Видъ скачущаго повара потѣшалъ всѣхъ насъ и мы просто умирали отъ смѣха... Въ концѣ обѣда подавали шипучее, послѣ чего гости благодарили Бога, хозяина, а молодую хозяйку въ знакъ благодарности цаловали въ ручку и молодежь возвращалась въ гостинную на дессертъ, а пожилые во флигель. По вечерамъ молодежь танцовала, какъ и наканунѣ, а пожилые играли въ карты или въ пикетъ, или въ марьяжъ, а то и въ „свои козыри“. Изъ обычаевъ того времени помню еще и то, что всякій прибывшій гость обязанъ былъ подойти къ ручкѣ

всѣхъ находившихся въ обществѣ дамъ и дѣвицъ, хотя бы и совершенно ему незнакомыхъ.

Какъ мы сказали выше, маршалъ Булюбашъ пользовался уваженіемъ и почетомъ въ своемъ дворянскомъ округу, что выражалось избраніемъ его въ должность повѣтоваго маршала (уѣзднаго предводителя) нѣсколько трехлѣтій подъ рядъ; въ этой должности онъ имѣлъ большое вліяніе на всѣ уѣздныя дѣла не только дворянъ—помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ, но и лицъ другихъ сословій, какъ то: духовенства, купечества, мѣщанства, козаковъ и государственныхъ крестьянъ. И по службѣ, и по домашнимъ дѣламъ своимъ панъ-маршалъ выѣзжалъ изъ своей деревни рѣдко, за то всякій выѣздъ производился не иначе, какъ съ помпою,—маршалъ иначе не выѣзжалъ, какъ въ каретѣ или коляскѣ шестерикомъ съ форейторомъ; если выѣздъ былъ въ Кіевъ или куда нибудь, что считалось въ то время отдаленнымъ отъ своего мѣстопребыванія пунктомъ, то панъ выѣзжалъ всегда на своихъ (почтовую ѣзду въ то время паны не одобряли и ѣздить на почтовыхъ избѣгали), окруженный цѣлою свитою своей прислуги, нужной ему и въ дорогѣ, и по прибытіи на мѣсто. Обыкновенно поѣздъ составлялся такъ: впереди за нѣсколько часовъ до выѣзда пана съ мѣста ѣхала его кухня, дабы до прибытія его на мѣсто стоянки, если почему либо ему не приходилось остановиться у знакомаго пана, приготовить ему обѣдъ или ужинъ и распорядиться объ очищеніи для его особы хаты, въ которой можно было бы мирно отдохнуть, затѣмъ впереди панской кареты ѣхало два конюха въ красныхъ курткахъ, на обязанности которыхъ лежало предупреждать трубами встрѣчныхъ проѣзжихъ, чтобы сворачивали пану-маршалу съ дороги,—при непослушаніи тѣхъ, особенно изъ простонародья,—въ дѣло пускалась нагайка. Случалось, что встрѣчный мужикъ на волахъ спитъ, и волы, вдругъ услышавъ неожиданный для нихъ звукъ рожковъ и крики людей, понесутъ и на глазахъ пана-маршала опрокинется возъ съ мужикомъ, послѣ чего все обойдется благополучно, панъ доволенъ, смѣется и приговариваетъ: „такъ ему вражому сыну и треба: нехай не спить и упередъ глядить“. На обязанности этихъ же гофъ-фурьеровъ (такъ титуло-

вались они паномъ) было предупреждать попадающихся по дорогѣ рабочихъ: „звертайте, да не робить курева на дорози", послѣ чего рабочіе должны были, исполнивши это приказаніе обратиться къ пану лицемъ и отдавать ему низкій поклонъ. При неисполненіи требованій почтенія со стороны встрѣчныхъ по дорогѣ пану-маршалу, супротивники, будь то крѣпостные крестьяне или же вольные козаки, наказывались нагайками. Такъ, разъ проѣзжая изъ своего Жовнинскаго имѣнія въ другое же свое имѣніе Гриньки, на козачьихъ поляхъ, Булюбашъ увидѣлъ много бабъ, жавшихъ жито при дорогѣ, которыя почему то не послушались требованій гофъ-фурьеровъ и не отдали ему почтенія; онъ остановился, приказалъ поставить ихъ въ рядъ и несмотря на ихъ протесты, что онѣ вольныя козачки, а не его крѣпостныя, каждой изъ нихъ было отпущено по нѣсколько ударовъ нагайкой. Въ большую дорогу за каретою тянулся цѣлый обозъ съ необходимою для пана въ путешествіи и по пріѣздѣ на мѣсто рухлядью и прислугою: везли и панскихъ слугъ, везли и постель, и гардеробъ, и посуду, и столовое серебро, и вообще все такое, что могло почему либо понадобиться пану или его семейству въ дорогѣ. Выѣзжали изъ дому въ дальнюю дорогу не иначе, какъ послѣ напутственнаго молебна, за которымъ слѣдовалъ ранній обѣдъ, передъ выѣздомъ садились всѣ въ залѣ, даже и прислугу усаживали, чтобы „все доброе садилось", послѣ чего крестились и трогались въ дорогу. Въ дорогѣ дневки и ночлеги происходили черезъ каждые 25—30 верстъ, если не у знакомыхъ или родственниковъ, то рѣдко въ заѣзжихъ „постоялыхъ" дворахъ, а большею частью у „заможнихъ" хозяевъ изъ козаковъ или крестьянъ... Хаты заблаговременно прибирались панскою прислугою при помощи хозяевъ,—панская постель раскладывалась и стлалась,—прибывшіе повара готовили обѣдъ или ужинъ, смотря по времени дня, а панъ, выйдя на заваленку съ трубкою въ рукахъ, сидя, милостиво разговаривалъ съ хозяиномъ двора объ урожаѣ, цѣнахъ на хлѣбъ, или распрашивалъ про новости дня въ данной мѣстности...

Часто при этомъ вспоминалось прежнее время, когда еще малороссійскіе козаки отбывали свою пограничную службу въ

тѣхъ мѣстахъ, предупреждая набѣги поляковъ съ правой стороны Днѣпра и татаръ съ юга. Рѣка Днѣпръ отдѣляла теперешнюю кіевскую губернію, бывшую во владѣніи Рѣчи Посполитой, отъ Малороссіи, почему часть козацкихъ малороссійскихъ войскъ наряжалась на лѣвый берегъ для защиты отъ вторженія поляковъ, которымъ не особенно довѣряли. Когда въ назначенное время собирался походъ (верстъ за 7, 10, гдѣ теперь мѣстечко Чигиринъ-Дуброва), то всегда походъ этотъ ознаменовывался проводами родныхъ, друзей, часто зарученныхъ невѣсть и т. п. Въ тѣни садовъ разстилались ковры, приносились всякія яства и питія въ громадномъ количествѣ и начиналось *гостюваніе* (угощеніе съ пожеланіемъ) „щобъ давъ мылосердный Господь вернутыся зъ войны здоровымы и не окаличеннымы“, и гостюваніе это длилось далеко за полночь, настолько далеко, что солнце заставало пировавшихъ спящими еще тогда, когда ратные козаки выступили уже въ походъ и находилось за нѣсколько верстъ отъ подгулявшаго начальства... Эту то свою службу, въ которой Павелъ Ивановичъ достигъ ранга бунчуковаго товарища, изъ котораго переименовался въ маіоры, любилъ вспоминать онъ при встрѣчѣ съ знакомыми козаками во время своихъ путешествій...

Подобная жизнь, обходилась бы пану-маршалу не дешево, если бы она велась, какъ теперь, на деньги, но въ то время для дворянъ помѣщиковъ все было даровое,—и трудъ и продукты, такъ что за малымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ и бакалейныхъ товаровъ, покупавшихся за деньги, все остальное, необходимое для жизни, приходилось даромъ; тогдашнему пану надлежало только не поддаваться на соблазнительныя предложенія аферистовъ, а сидѣть дома на хозяйствѣ и пользоваться дарованными ему благами,—но не всѣ были благоразумны, а такъ или иначе многіе изъ пановъ увлекались заманчивыми предложеніями аферистовъ и разстраивали свое состояніе. Подъ конецъ своей жизни и Павелъ Ивановичъ очутился въ рядахъ послѣднихъ.—Казнѣ строилъ въ Лубнахъ окружную аптеку съ подряда какой то великороссійскій купецъ за невыгодную для себя цѣну подъ поручительствомъ и залогомъ Павла Ивановича;—подряда онъ почему то не могъ выполнить и скрылся;—

на обязанности поручителя было выполнить его обязательство, и вотъ Павелъ Ивановичъ поднимается всѣмъ домомъ для переѣзда изъ деревни своей за 80 верстъ въ Лубны, чтобы закончить постройку аптеки; въ Лубны перевозится весь домъ, съ музыкантами, прислугою, охотниками, рыбалками, пушками и пр. и пр.—Все необходимое для жизни въ Лубнахъ привозится изъ деревни, оттуда же привозится матеріалъ для постройки аптеки, и наряжаютъ рабочихъ на постройку; выданныхъ казною 30,000 р. на постройку не хватило, пришлось заложить имѣніе въ приказѣ общественнаго призрѣнія и занять еще 30,000 р., чтобы закончить постройку, и въ результатѣ афера дала долгъ на имѣніи и разореніе если не помѣщичьяго, то крестьянскаго хозяйства, несомнѣнное въ виду постояннаго, въ теченіи извѣстнаго періода времени довольно продолжительнаго отсутствія рабочихъ рукъ у своего насущнаго дѣла... За то, окончивъ постройку и освободившись отъ тягостнаго и разорительнаго для него дѣла, панъ маршалъ, собравъ гостей и отслуживъ молебенъ въ монастырѣ, тронулся въ путь къ себѣ въ деревню, окруженный гостями, слугами, рабочими, переѣхалъ рѣку Сулу, послѣ чего остановилъ свой кортежъ, приказалъ всѣмъ снять шапки, перекреститься на всѣ стороны, а затѣмъ, надѣвши шапки, плюнуть на выстроенную аптеку, послѣ чего велѣлъ музыкантамъ играть маршъ „Громъ побѣды раздавайся“, а слугамъ палить изъ пушекъ...

О чудачествахъ пана маршала не мало ходило разныхъ анекдотовъ. Однажды во время жовнинской ярмарки съ нимъ случился такой казусъ. Устройство кукольныхъ балагановъ было очень незатѣйливо; публика пользовалась мѣстами не по нумерамъ и плата была общая: шагъ или грошъ. Представленіе смѣняло посѣтителей черезъ каждые $^1/_2$ часа. Мальчишки, не имѣющіе чѣмъ заплатить, ухитрялись даромъ *дивиться на кумедію*, ложась на землю и приподнимая полки балагана, но это вскорѣ было замѣчено смотрителемъ и по распоряженію хозяина балагана велѣно было всякій разъ бросать имъ въ лицо песокъ, когда поднимутся полки балагана. Панъ маршалъ отправился со своими гостями осматривать ярмарку и, подойдя къ балагану, который былъ запертъ по случаю начавшейся комедіи, недолго

думая, приподнялъ полки балагана и тотчасъ былъ осыпанъ массой песка. Кто можетъ описать его гнѣвъ, оскорбленіе? Опомнившись, онъ тотчасъ призвалъ казаковъ, велѣлъ созвать музыкантовъ и дворовыхъ съ канчуками, гости окружили балаганъ, а ярмарочная толпа поскорѣй давай Богъ ноги, предчувствуя, что сентенція пана маршала не знаетъ ни апелляціи, ни кассаціи, ни снисхожденій, изрекая при этомъ „гдѣ страхъ, тамъ и Богъ“. Хозяинъ балагана скоро былъ вытащенъ, поваленъ на землю, гдѣ ему всыпали 200 канчуковъ и немедленно разодрали балаганъ, отправивъ его въ другой уѣздъ. Этотъ самосудъ не остался однако безнаказаннымъ уже введенными общими судебными учрежденіями въ малорус. губ. и по рѣшенію уголовной палаты маршалъ присужденъ былъ къ уплатѣ 200 руб. потерпѣвшему. Исполненіе приговора было возложено на коммиссара Бочарова, который, зная характеръ Булюбаша, долго не рѣшался объявить ему рѣшенія палаты и, наконецъ, улучивъ минуту, передалъ въ мягкихъ выраженіяхъ свое порученіе, которое противъ ожиданія было принято довольно спокойно; правда, при этомъ не обошлось безъ крѣпкихъ словъ по адресу судившихъ, но маршалъ согласился подчиниться приговору, съ условіемъ, чтобы потерпѣвшій самъ пришелъ за полученіемъ денегъ въ 8 часовъ вечера; по полученіи денегъ потерпѣвшимъ была выдана росписка маршалу, что онъ больше не имѣетъ никакихъ претензій и въ будущемъ имѣть къ Булюбашу не будетъ. Возвращаясь обратно въ сумеркахъ черезъ панскія угодія, жалобщикъ неожиданно былъ схваченъ выскочившими изъ засады людьми, тутъ же положенъ на землю и награжденъ 200 ударами не канчуковъ, а розогъ. Съ того времени его балаганъ не являлся больше на жовнинской ярмаркѣ, а самъ онъ, уѣзжая, сказалъ окружавшимъ его людямъ: „теперъ я понявъ добре, що зъ дужчымъ не борысь и зъ багатымъ не позывайся“.

Свою маршальскую службу закончилъ Павелъ Ивановичъ слѣдующимъ эпизодомъ. На послѣднихъ выборахъ, когда ему сообщили, что по большинству бѣлыхъ шаровъ должность предводителя дворянства переходитъ къ Максимовичу, онъ, повернувшись спиной къ публикѣ, отпустилъ дворянству такое непе-

чатное словцо, которое трудно и передать. При своей тучности П. И. любилъ плотно покушать и при томъ нѣсколько разъ въ день, пилъ кофе, шеколадъ, спиртныхъ напитковъ не употреблялъ и часто страдалъ разстройствомъ пищеваренія. Пріѣхавъ на ярмарку въ Градижскъ, куда стекалось всегда множество народу и почувствовавъ себя худо, онъ велѣлъ везти себя въ Гриньки, довѣряя больше всего своему цирюльнику (брадобрѣю) Ивану Степановичу Колотѣевскому (своему крестнику), за которымъ признавалъ немаловажныя медицинскія познанія, отчего тотъ былъ извѣстенъ болѣе въ народѣ подъ названіемъ, „панъского лѣкаря“. Но въ Гриньки онъ привезенъ былъ уже въ полусознательномъ состояніи и помочь было невозможно. На другой день онъ скончался и былъ скромно погребенъ въ сосѣднемъ селѣ Горбахъ.

Л.

Изъ прошлой жизни.

I.

В. С. Поповъ въ своей Рѣшетиловкѣ (1817).

(Записано со словъ разсказчика).

Въ 1817 г. мнѣ пришлось съ полкомъ переходить черезъ знаменитую своими смушками Рѣшитиловку; болѣе курчавыхъ и мягкихъ смушекъ, какъ рѣшетиловскія, мнѣ не приходилось нигдѣ видѣть; говорятъ, что это вліяніе мѣстной воды.

Въ то время, какъ я тамъ былъ, въ Рѣшетиловкѣ жилъ, какъ звали его крестьяне, „добрый, великій панъ", самъ владѣлецъ мѣстечка, въ началѣ сотрудникъ великолѣпнаго князя Тавриды Потемкина, и впослѣдствіи самъ по себѣ самостоятельный сановникъ Василій Степановичъ Поповъ. Жилъ онъ своемъ дворцѣ, среди великолѣпнаго парка и славился своимъ открытымъ, радушнымъ гостепріимствомъ, что привлекало подъ его кровъ массу гостей. Гостепріимство его распространялось не только на знатныхъ и дворянъ, но

[1]) Дѣло Малороссійскаго Архива № 141 „Объ ищущей свободы отъ крестьянства отъ протоіерея Могилевскаго Матренѣ бубинской (нач. 1824 г., конч. 1836 г.).

было доступно и крестьянамъ какъ его владѣнія, такъ и сосѣднихъ имѣній.

Каждое воскресенье рѣшетиловскіе и сосѣдніе съ мѣстечкомъ крестьяне, разодѣтые по праздничному, шли въ садъ къ Василію Степановичу „праздниковати", какъ они говорили. Въ разныхъ мѣстахъ сада были устроены для молодежи качели, а на водяныхъ каналахъ, которыми былъ изрѣзанъ весь садъ и паркъ, стояли выкрашенныя шлюбки для катанья. На главномъ каналѣ стояла стеклянная будка, въ которой во время народнаго гулянья игралъ хоръ роговой музыки изъ сорока человѣкъ, что производило на гуляющихъ большое впечатлѣніе. Паробки и дивчата разбивались по парку и саду многочисленными группами, качались на качеляхъ, разъѣзжали на лодкахъ, танцовали свои народныя танцы и пѣли свои задушевныя пѣсни. По окончаніи гулянья, было въ обычаѣ подходить къ „панскимъ будынкамъ" т. е. ко дворцу и благодарить хозяина за праздникъ, Василій Степановичъ выслушавъ спасибо, всегда тутъ же приказывалъ своимъ лакеямъ выносить угощеніе пришедшей толпѣ,—появлялись корзинки съ яблоками, пряниками, орѣхами и прочими простыми лакомствами — вмигъ все это приправленное взаимными шутками и смѣхомъ Вас. Степ. и пришедшихъ къ нему съ благодарностью гостей—его крестьянъ уничтожалось, и они уходили, приглашенные хозяиномъ и въ слѣдующій праздникъ не забывать его...

II.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ и архиваріусъ повѣтоваго суда.

(Записано со словъ разсказчика).

Князя Н. Г. Репнина очень любили въ Малороссіи какъ добраго, справедливаго, доступнаго всѣмъ и каждому начальника края, и въ бытность его генералъ-губернаторомъ и долго послѣ его выбытія про его личность ходила масса анекдотовъ, обрисовавшихъ эту прекрасную личность,—вотъ одинъ изъ этихъ анекдотовъ, слышанный мною давно:

Князь Репнинъ, неожиданно для уѣздныхъ властей полтавской губерніи, выѣхалъ на святой недѣлѣ изъ Полтавы, при чемъ путь его лежалъ или на Прилуки, или же на Пирятинъ, хорошо не припомню,—сопровождавшій его чиновникъ, знавшій плохое со-

стояніе тогдашнихъ почтовыхъ станцій, приказалъ привести почтовыхъ лошадей къ дому, гдѣ помѣщался повѣтовый судъ, куда и завезъ князя. Въ судѣ, по случаю праздниковъ, никого изъ членовъ суда не было, а дежурилъ старый архиваріусъ, только что представленный за 35-лѣтнюю службу къ ордену Владиміра IV ст. и нетерпѣливо ждавшій полученія этой награды, которая давала ему право потомственнаго дворянства. Старикъ не ждалъ никого изъ начальствующихъ въ судъ, почему своевременно въ урочный для него часъ досталъ изъ за связокъ дѣлъ, хранившихся въ архивномъ шкапу, штофикъ водки и закуску, выпивъ нѣсколько чарокъ, закусилъ и предался мечтамъ о своемъ будущемъ дворянствѣ, какъ вдругъ мечты эти были прерваны, подлетѣвшимъ экипажемъ со звонками изъ котораго вышла знакомая всей Малороссіи фигура князя Репнина. Архиваріусъ, не смѣшавшись, встрѣтилъ князя въ дверяхъ суда и отрапортовалъ ему, что въ судѣ все обстоитъ благополучно, но что по случаю „наступившаго Великдня присутствія нема и подсудки, а также панъ судья отсутствуютъ, онъ, архиваріусъ, состоитъ дежурнымъ по суду, и буде Его Сіятельство желаетъ обревизовать дѣла, ввѣренныя его храненію въ архивѣ, то онъ будетъ осчастливенъ, тѣмъ болѣе, что высокій начальникъ лично убѣдится въ его заслугахъ, за которыя его прямое начальство удостоило уже представленіемъ къ ордену св. Владиміра IV ст. Князь улыбнулся и просилъ вести себя въ архивъ. Прійдя туда, князь увидѣлъ шкапы, полные бумагъ, подошелъ къ одному изъ нихъ и указывая на связки съ дѣлами, спросилъ, что за дѣла? Архиваріусъ далъ точный и обстоятельный отвѣтъ. Еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ и тѣ же обстоятельные отвѣты; князь поблагодарилъ архиваріуса за порядокъ и выразивъ надежду на успѣшный исходъ представленія къ ордену достойнаго архиваріуса, собирался уже выходить изъ архива, тѣмъ болѣе, что и лошадей ему успѣли запречь, какъ случайно увидѣвъ на шкапу еще связку дѣлъ, спросилъ: „А это что у Васъ за дѣла, почтеннѣвшій?“.—„А це таки, що я й самъ не знаю, та й Вамъ лизты въ ихъ не совитую, бо якъ я не розибрався зъ ными, то й Вамъ ихъ не розибрать“ отвѣчалъ архиваріусъ.—„Вѣрно“, сказалъ князь и уѣхалъ.—Отвѣтъ архиваріуса князю скоро сталъ извѣстенъ всему городу,—начальство распекло старика и разъяснило ему, что князь могъ легко обидѣться его отвѣтомъ и вмѣсто представленія къ ордену, пожалуй прогонитъ его за грубость, и бѣдняга впалъ въ уныніе, изъ

котораго впрочемъ его скоро постарался вывести князь, прислав „за урокъ“ рублей 50 или 100 съ извѣщеніемъ, что онъ утвердилъ представленіе къ ордену, который онъ и не замедлитъ получить.

III.

Князь Н. Г. Репнинъ и его честное слово.

Князь Н. Г. Репнинъ часто нуждался въ деньгахъ, такъ какъ несмотря на свои большія средства, жилъ всегда шире ихъ,—нуждаясь, онъ прибѣгалъ къ займамъ, но платилъ долги очень неаккуратно. Разъ онъ попросилъ въ займы 10 т. руб. у лубенскаго маршала дворянства, человѣка съ большими деньгами. Тотъ отвѣтилъ ему, подавая требуемую сумму „охотно даю Вамъ, князь, нужныя Вамъ деньги, но только, ради Бога, не подъ вексель или подъ какой нибудь другой документъ, а подъ Ваше одно честное слово такъ какъ Вы, давши документъ Вы успокоитесь относительно своего долга мнѣ, давши же честное слово, Вы всегда будете заботиться о его выполненіи“... Долгъ былъ выплоченъ въ срокъ.

IV.

Губернаторская ревизія уѣзднаго суда.

Въ 1840-хъ годахъ былъ назначенъ въ черниговскую губернію губернаторомъ Ш.—Большой баринъ, новый губернаторъ не отличался вѣжливостью въ обращеніи съ подчиненными и имѣвшими къ нему служебныя отношенія чиновниками, былъ крайне грубъ и рѣзокъ съ ними, полагая, что уѣздныя должности и по выборамъ, и по назначенію отъ правительства заняты людьми, живущими на счетъ взятокъ; въ черниговской же губерніи въ тѣ времена выборныя должности заняты были во многихъ уѣздахъ людьми богатыми, образованными, занятыми болѣе общественною службою, чѣмъ устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ и имѣвшими и по своимъ качествамъ и родству несомнѣнныя связи съ Петербургомъ. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и бывшій тогда въ г. Борзнѣ уѣздный судья Николай Даниловичъ Бѣлозерскій, человѣкъ вполнѣ честный и образованный, съ хорошими средствами, съ связями и знакомствами въ Петербургѣ, гдѣ его знали и цѣнили вполнѣ по достоинству.—Вскорѣ по прибытіи въ Черниговъ, Ш. направился по губерніи съ ревизіей; вездѣ прошла молва, „що губернаторъ лютуе“: тамъ онъ обругалъ исправника, тамъ прогналъ становыхъ, тамъ чуть ли не самолично произ-

велъ судъ и расправу съ думою, тамъ въ уѣздномъ судѣ грозилъ, что отдастъ подъ судъ и судью, и подсудковъ и камня на камнѣ не оставитъ въ судѣ и проч. и проч. Дошло дѣло и до Борзны; пріѣзжаетъ Ш. въ уѣздный судъ, Н. Д. встрѣчаетъ его вѣжливо, но сухо и на требованіе представить дѣла къ ревизіи, зоветъ секретаря и приказываетъ ему представить тѣ дѣла на ревизію, которыя потребуетъ его превосходительство, и, пригласивъ губернатора сѣсть у стола, самъ съ засѣдателями у того же стола занимаетъ мѣсто.— Оскорбился ли Ш. такимъ поведеніемъ судьи, или норовъ такой у него былъ, но какъ только секретарь подалъ ему дѣло на ревизію, онъ, схвативъ дѣло, сталъ теребить его въ рукахъ, кричать, что развѣ въ такомъ видѣ можно представлять на ревизію его, губернатора, дѣла, что онъ за такое непочтеніе и невниманіе отдастъ подъ судъ весь составъ суда съ его канцеляріею, загонитъ ихъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, а въ концѣ своей рѣчи, какъ бы въ доказательство, что все имъ сказанное онъ не замедлитъ привести въ исполненіе, скомкавъ представленное ему на ревизію дѣло, бросилъ его въ уголъ присутственной комнаты. Николай Даниловичъ, выслушавъ молча всѣ разглагольствованія губернатора-ревизора, какъ только дѣло очутилось въ углу на полу, далъ знакъ подать себѣ дѣло и, перелистовавъ его и замѣтивъ всѣ слѣды ревизорскаго гнѣва на немъ, обратился съ просьбою къ губернатору собственноручно отмѣтить на дѣлѣ, что поврежденія въ дѣлѣ сдѣланы имъ, губернаторомъ, при ревизіи суда такого то года, мѣсяца и числа.— Ш. сталъ отказываться; тогда Н. Д. приказалъ, держа въ рукахъ дѣло, составлять протоколъ о испорченномъ при ревизіи губернаторомъ Ш. дѣлѣ. Этого уже Ш. не допустилъ, взявъ дѣло, сдѣлалъ на немъ отмѣтки о произведенной имъ порчѣ, послѣ чего, не производя уже ревизіи, молча вышелъ изъ суда и въ дальнѣйшихъ своихъ ревизіяхъ велъ себя болѣе сдержанно.

V.

Гостепріимный помѣщикъ.

Въ черниговской губерніи еще въ 1850-хъ годахъ жилъ въ своихъ помѣстьяхъ, расположенныхъ и въ сѣверныхъ, и южныхъ уѣздахъ, ея знаменитый своимъ богатствомъ и скупостью помѣщикъ панъ Илья Петровичъ Ю—чъ. Скупость его доходила до того, что онъ мѣсяцами не перемѣнялъ бѣлья, ходилъ въ какомъ то грязномъ

полушубкѣ, все припрятывалъ, сберегалъ, отказывая себѣ во всемъ... сыновья его съ нимъ не жили,—оба занимали видные посты одинъ въ Петербургѣ, другой въ провинціи, самъ онъ былъ вдовъ и весь отдался сбереженіямъ... Мнѣ самому приходилось впослѣдствіи слышать отъ лѣсниковъ его богатаго лѣсами имѣнія села О--ки н—скаго уѣзда, когда я удивлялся хорошему сбереженію лѣса въ имѣніи: „хиба намъ панъ позволивъ коли небудь дать на свою экономію хочь визъ дровъ,—мы повынны булы возчыкамъ зъ экономіи показать, у якого пана можна украсты деревню для свого пана,—такъ бувало мы усе грапскимъ лисомъ свою экономію контентуемъ,—того и нашъ лисъ такый славный вырисъ,—а теперичка молоды паны его жыдамъ задарма отдалы"... Вотъ этотъ то панъ, посылавшій красть чужой лѣсъ, отказывавшій себѣ въ стаканѣ молока, говоря, что „якъ молока выпью, то не буде сметаны, а не буде сметаны, не буде масла, а не буде масла—не буде грошей"... придумалъ оригинальный способъ пріема заѣзжавшихъ къ нему въ имѣніе по дѣламъ службы чиновниковъ. Осенью отдавался лѣсникамъ приказъ во что бы то ни стало доставить нѣсколько убитыхъ волковъ; съ доставленныхъ труповъ снимались шкуры и тутъ же въ нихъ клался овесъ съ цѣлью пропитать его волчьимъ духомъ. При пріѣздѣ чиновниковъ овесъ этотъ засыпался конямъ ихъ,—кони, заслышавъ волчій духъ, фыркали, бросались въ сторону, рвались изъ станковъ, такъ что кучера съ трудомъ выводили ихъ изъ конюшни; овесъ прибирался и прятался до слѣдующаго пріѣзда чиновниковъ, а панъ при случаѣ всегда аттестовалъ чиновничьихъ коней такъ: на даровомъ овсѣ поробились такими скаженными, що не прыведы Господы! мало мало мою конюшню не розорылы, побачивши тилько мій овесъ!...

VI.

О благотворительности Куликовскаго и Овсянникова.

Представленіе на имя Государя Императора отъ дюка де Ришелье 30-го ноября 1808-го года о позволеніи воспитанику полковника Дмитрія Куликовскаго коллежскому регистратору Николаю Овсянникову присовокупить къ своей фамилію Куликовскихъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Помѣщикъ таврической губерніи, отставный полковникъ Дмитрій Куликовской многими заслугами на пользу ближняго и на

пользу отечества обратилъ на себя вниманіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь!

Жительствуя на берегу Днѣпра при въѣздѣ съ сей стороны въ Крымъ, домъ его отверстъ былъ богатому и бѣдному; богатые находили себѣ здѣсь мирное отдохновеніе, а бѣдные пищу и не обходимое снабдѣніе. Чтобъ помочь человѣчеству облегчить страждущихъ болѣзнями, не своихъ только людей, но изъ сосѣднихъ казенныхъ селеній и проходящихъ въ Крымъ и изъ Крыму военныхъ командъ, Куликовской изъ единаго сострадания къ ближнему учредилъ въ Каховкѣ больницу; сюда выписалъ изъ Гамбурга и содержалъ на щотъ свой доктора, жертвуя всѣмъ на облегченіе больныхъ въ ихъ болѣзняхъ. Въ теченіи одного года были въ больницѣ четыреста пять человѣкъ. Пять изъ нихъ умерли, прочіе выздоровѣли. Всемилостивѣйшій Государь! Я лично навѣщалъ благодѣтельное сіе заведеніе и нашелъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Больные призрѣны и услужены сколько можно лучше во всѣхъ отношеніяхъ.

Для пользы соляного промысла, стѣсненнаго было со стороны пастьбищъ, Куликовскій пожертвовалъ тремя тысячами десятинъ земли, лишивъ себя принадлежащаго съ нихъ дохода, каковыми сосѣды его пользуются спойкойно. Во время ополченія милиціи Куликовскій самъ вызвался лично служить; первый выставилъ и лучшимъ образомъ вооружилъ людей на службу.

Завѣщая благопріобрѣтенное имѣніе свое еще въ 1803-мъ году воспитанному имъ коллежскому регистратору Николаю Овсянникову, сыну покойной жены его, онъ имянно постановилъ, есть ли сей облагодѣтель твованный имъ молодой человѣкъ будетъ безпотоменъ, обратить то имѣніе на воспитаніе и содержаніе не имущихъ дворянъ.

Такимъ образомъ вся жизнь Куликовскаго была, такъ сказать, цѣпь благодѣяній и благонамѣренности. Онъ умеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. За жизни своей ничего онъ не желалъ и не искалъ столько, какъ чтобъ облагодѣтельствованный имъ Овсянниковъ, въ память пребыванія его въ таврическомъ краѣ, присоединилъ къ своей фамилію Куликовскихъ. Того ищутъ родные братья покойнаго полковникъ Михаилъ и коллежскій совѣтникъ Николай Куликовскіе, того жаждутъ облаготворенные имъ. Получивши имѣніе Овсянниковъ не смотря что все родовое имѣніе отошло въ родъ Куликовскихъ, слѣдуя благотворнымъ намѣреніямъ виновника счастья своего, беретъ на себя продолженіе содержанія боль-

ницы и еще учреждаетъ богодѣльню для содержанія 25-ти душъ нищихъ и глубокою старостію обремененныхъ.

Всемилостивѣйшій Государь! бывъ личный свидѣтель всѣхъ подвиговъ Куликовскаго на пользу ближняго и желанія его, чтобъ Николай Овсянниковъ присовокупилъ къ своей фамилію Куликовскихъ, желанія родными его братьями одобреннаго, зная колико почтена память покойнаго во всей Тавридѣ, дерзаю всеподданѣйше просить о всемилостивѣйшемъ позволеніи Овсянникову присоединить фамилію Куликовскихъ безъ всякаго въ прочемъ на родовое имѣніе вліянія. Отзывъ братьевъ Куликовскихъ и прошеніе Овсянникова осмѣливаюсь повергнуть въ Высочайшее возрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Августѣйшій Монархъ! Вашего Императорскаго Величества

На подлинномъ тако: дюкъ Эмануилъ де Ришелье, Генералъ-Лейтенантъ.

Ноября 30-го дня 1808-го года.